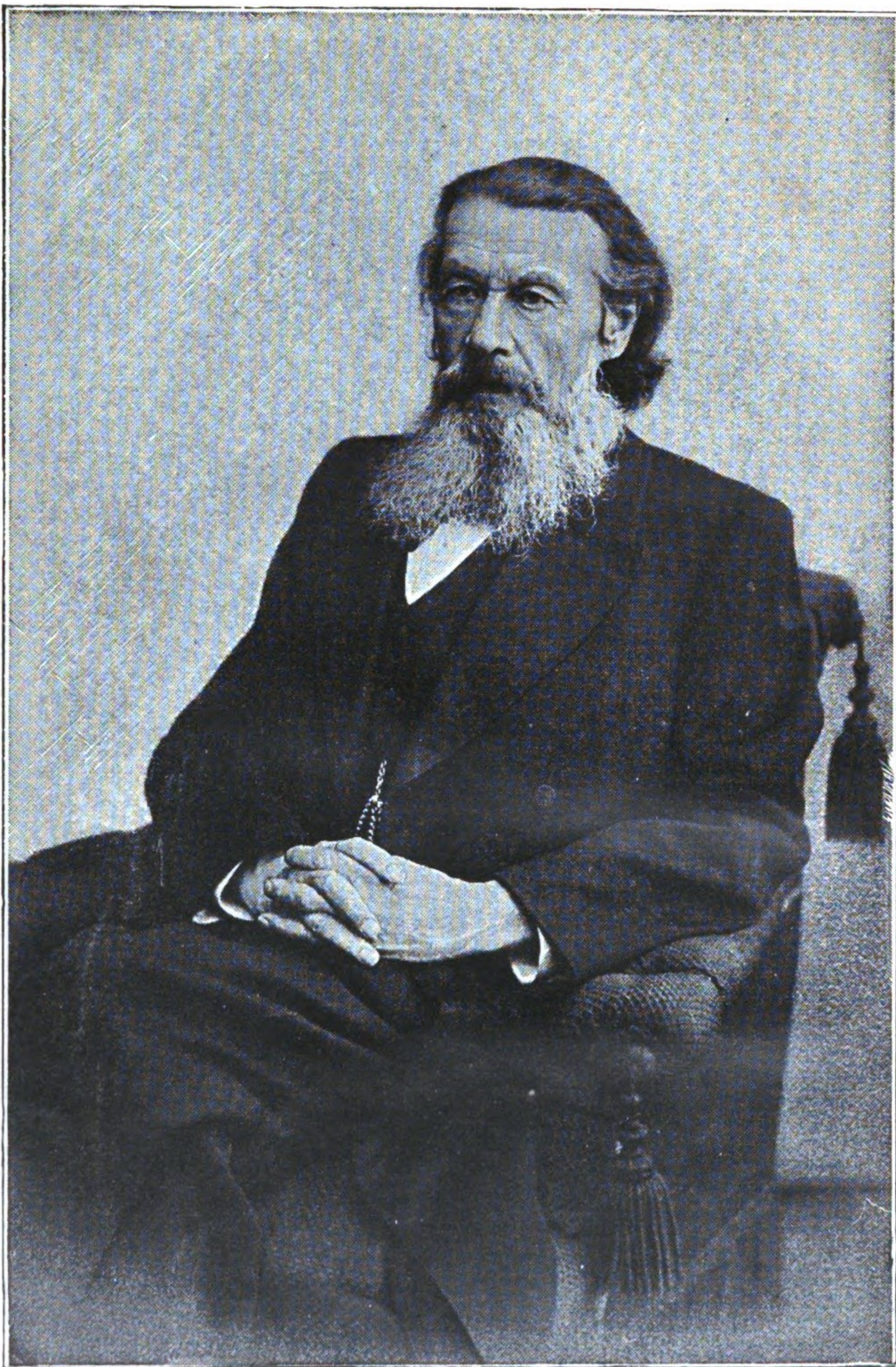

Потѣхинъ. I.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Александръ Потѣхинъ

Сочиненія
А. А. Потѣхина.

Томъ первый.

Россійскіи писатели

Сочиненія

А. А. Потѣхина.

Томъ первый.

Повѣсти и рассказы.

С.-Петербургъ.

Книгоиздательское Т-во „Просвѣщеніе“, 7 рота, 20.

Городская контора: Невскій 50.

891.78

Р. 2.

1903

в. 1

Бумага безъ примѣси древесной массы (веленевая).

Типографія Т-ва „Просвѣщеніе“. Спб., 7 рота, соб. д. № 20.

Оглавленіе.

Тить Софроновъ Козонокъ. Повѣсть изъ народнаго быта	1
Бурмистръ. Повѣсть	123
Забавы и удовольствія въ городкѣ. Очеркъ	281
Женская исповѣдь. Разсказъ	367

Тить Софроновъ Козонокъ.

Повѣсть изъ народнаго быта.

Глава I.

Года два тому назадъ старика Онуфрія Кузмича постигло тяжкое горе: умеръ его единственный сынъ Григорій. Славный былъ мужикъ этотъ Григорій: умный, смысленый, зажиточный, хорошо велъ свои дѣла, отлично торговалъ. Главный промыселъ его было пчеловодство, и ужъ ни у кого нельзя было достать такого чудеснаго меда-самотека — и прозрачнаго, какъ янтарь, и обсахареннаго, какъ крѣпкое мороженое. Какой хотите — спросите: цвѣточный-ли, липовый, или хлѣбный — ни одинъ изъ нихъ не уступитъ другому. Дѣлалъ онъ и воскъ превосходный: не то, что красный или желтый, нѣтъ! а такой чистый, такой бѣлый, какъ слоновая кость. И все это производилось не въ маломъ количествѣ. Вѣдь у Григорья было ульевъ пятьдесятъ, такъ что весь садикъ его былъ заставленъ ими. А какъ весело бывало взглянуть на этотъ садикъ, хоть, правду сказать, немного и опасно, потому что пчелы Григорья вовсе не были такъ гостепріимны и радушны, какъ самъ хозяинъ. За домомъ Григорья западалъ оврагъ не крутой и не песчаный, а покрытый зеленью; по дну его протекалъ ручеекъ, прихотливо извиваясь по камнямъ и журча сладкой, мелодичной пѣсенкой; за рѣчкой этой поднимался другой берегъ оврага, еще болѣе пологій и красовавшійся въ лѣт-

нее время уже не зеленью, а золотистой желтизною жатвы. По этому-то зеленому склону оврага, на верху котораго стоялъ домъ Григорья, раскидывался и его садикъ. Кругомъ онъ обнесенъ былъ плетнемъ, и около этого плетня стояли пчелиные ульи. Около самой избы красовались черемухи и рябины, роскошно раскидывая свои вѣтви, отягченныя ягодами, и напрасно соблазняя ими деревенскихъ ребятишекъ, которыя не осмѣливались вступать въ предѣлы пчелинаго царства, не карабкались по плетню, не влѣзали на деревья и не пробовали не только зеленыхъ, но даже и спѣлыхъ ягодъ. Тутъ-же виднѣлась яблоня, которая въ весеннее время совершенно скрывала свою зелень подъ бѣлымъ, какъ молоко, цвѣтомъ, ароматнымъ, душистымъ, медовымъ — славной приманкой для пчелъ. Дальше нѣсколько кустовъ дикой смородины, двѣ грядки съ овощемъ, да деревянный разсадникъ¹ для капусты — вотъ все, что было въ саду у Григорья. Вѣдь, кажется, самый незатѣйливый садикъ, а какъ весело бывало пройтись по его не вырѣзанной, не укатанной, не усыпанной пескомъ, но просто вытопанной ногами тропинкѣ, какъ пріятно любоваться изъ него закатомъ солнца, которое тонетъ въ желтомъ морѣ жатвы, колышущемся на противоположномъ берегу рѣчки, когда каждый колосъ какъ будто проникается насквозь послѣдними лучами солнца и кажется отлитымъ изъ чистаго золота; какъ отрадно вдыхать въ себя чудный аромат вечера, сидя въ этомъ садикѣ на лавкѣ, поставленной подъ черемухой досужими руками Григорья! И лучше всѣхъ зналъ цѣну этому садику самъ

¹ Такъ называется небольшой деревянный срубъ, наполненный землею, въ которомъ сѣютъ капусту и выращиваютъ до известной величины (разсада), послѣ чего пересаживаютъ на грядки.

покойный Григорій, да Онуфрій Кузмичъ. Старикъ положилъ ему начало, и съ удовольствіемъ видѣлъ, что сынъ не только поддержалъ, но и развилъ его дѣло. Онуфрій Кузмичъ былъ уже очень старъ, и лѣтъ пять уже отдыхалъ на лаврахъ своей трудовой, но не тяжелой жизни — и садикъ былъ для него самымъ лучшимъ мѣстомъ его отдыха, его прогулокъ, самымъ оживленнымъ доказательствомъ, что дѣятельность его не умирала вмѣстѣ съ нимъ, что не безъ слѣда прошелъ онъ по житейскому морю. Трудамъ Григорья, казалось, покровительствовала сама судьба. Вотъ, напримѣръ, роится рой надъ деревней, густой тучей несется онъ, жужжа и извиваясь. Всякій мужикъ, у котораго есть хоть одинъ улей, бѣжитъ въ свой огородъ, надѣясь, что авось-либо ему выпадетъ такое счастье — привьется даровой рой; глаза всякаго подняты къверху и жадно слѣдятъ за двигающейся живой массой. Вотъ рой остановился надъ однимъ чьимъ-то садомъ, вьется, жужжитъ, нѣкоторыя пчелы сѣли уже на плетень, на рябину, владѣтель сада внутренно торжествуетъ: закутанный въ вывороченную шубу, съ сѣткою на лицѣ и въ рукавицахъ, онъ усердно колотитъ палкой въ сковороду, надѣясь безжащими звуками этого оригинальнаго инструмента привлечь весь рой... но напрасно: маткѣ почему-то не нравится этотъ садъ, а можетъ быть не нравится и самъ хозяинъ, предлагающій свое гостепріимство; быстро поднимается она къ небу, а за нею несется и весь рой съ сердитымъ жужжаніемъ.

— Что, братъ, не привился? — спрашиваетъ одинъ владѣтель ульевъ другаго.

— Да, дожидайся: привьется къ намъ! Смотри, коли не опять Григорью счастье.